

ЕКАТЕРИНА II
(1729 – 1796)

СКАЗКА О ЦАРЕВИЧЕ ХЛОРЕ

Текст подготовлен А. С. Куриловым и О. К. Герлован

До времени Кия, Князя Киевского, жил да был в России Царь – добрый человек, который любил правду и желал всем людям добра. Он часто объезжал свои области, чтоб видеть, каково жить было людям, и везде наведывался, делают ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно, Царица езжала с Царем и не любила быть с ним в разлуке.

Приехал Царь с Царицею в один город, построенный на высокой горе посреди леса. Тут родился Царю сын дивной красоты, ему дали имя Хлор. Но посреди сей радости и тридневного празднества Царь получил неприятное известие, что соседи его неспокойно живут, въезжают в его земли и разные обиды творят пограничным жителям. Царь взял войска, кои в близости в лагере стояли, и пошел с полками для защиты границы. Царица поехала с Царем. Царевич остался в том городе и доме, где родился. Царь приставил к нему семерых нянь разумных и в детском воспитании искусствых. Город же Царь укрепить велел стенами из дикого камня, по углам с башнями по старинному обычаю; на башнях пушек не поставили, тогда еще нигде не имели пушек. Дом, в котором жить остался Царевич Хлор, хотя и не построен был из сибирского мрамора и порфира, но весьма хорош и покойно расположен был; позади палат насажены были сады с плодовитыми деревьями, возле которых выкопанные пруды с рыбами украшали местоположение; беседки разных народов вкуса, откуда вид далеко простирался в округ лежащих полях и долинах, придавали приятство тому обитанию.

Как Царевич стал вырастать, кормилица и няни начали примечать, что сколь был красив, столь же был умен и жив. И повсюду слух носился о красоте, уме и хороших дарованиях Царевича.

Услышал о том какой-то Хан Киргизский, на дикой степи кочующий с кибитками, полюбопытствовал видеть толь дивное дитя и, увидев, пожелал дитя увезти с собою в степь. Зачал просить нянь, чтоб поехали с Царевичем к нему в степь; няни сказали со всякою учтивостию, что им того без дозволения Царя делать нельзя, что они не имеют чести знать господина Хана и с Царевичем не ездят к незнакомым людям в гости. Хан не был доволен тем учтивым ответом, пристал пуще прежнего, подобно как неевший к тесту, одно просил, чтоб няни поехали к нему с дитятею в степь. Но, получив твердый отказ, наконец понял, что просьбами не успеет в своем намерении; прислал к ним подарок. Они, поблагодаря, отослали дары обратно и велели сказать, что они ни в чем нужды не имеют. Хан упрям был, пребывая в своем намерении, думал, как быть? Пришло ему на ум: нарядился в изодранную одежду и сел у ворот сада, будто человек старый и больной, просил милостыни у мимоходящих.

Царевич прогуливался в тот день по саду, увидел, что у ворот сидит какой-то стариk, послал спросить, что за стариk? Побежали спросили, что за человек? Возвратились с ответом, что больной нищий. Хлор, как любопытное дитя, просил посмотреть больного нищего; няни унимали Хлора, сказали, что смотреть нечего и чтоб послал к нему милостыню. Хлор захотел сам отдать деньги, побежал вперед, няни побежали за ним, но чем няни скорее побежали, то младенец шибче пустился бежать, побежал за вороты и, подбежав к мнимому нищему, зацепился ножкою за камешек и упал на лицо. Нищий вскочил, поднял дитя под руки и спустился с ним под гору. Тут стояли вызолоченные роспуски¹, бархатом обитые; нищий сел на роспуски и ускакал с Царевичем в степь. Няни, как добежали до ворот, не нашли уже ни нищего, ни дитяти, ни следа их не видали, да и дороги тут не было, где Хан с горы спустился.

Сидя на роспушках, Хан держал Царевича пред собою одною рукою, как будто курочку за крыльшко, другою же рукою махнул шапкою чрез голову и прокричал три раза «ура». На сей голос няни прибежали к косогору, но поздно, догнать не могли.

Хан благополучно довез Хлора до своего кочевья и вошел с ним в кибитку, где встретили Хана его вельможи. Хан приставил к Царевичу старшину лучшего. Сей взял Хлора на руки и отнес в богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою и персидскими коврами, дитя же посадил на парчовую подушку и начал тишить его; но Хлор очень плакал и жалел, что от нянь шибко побежал вперед, и непрестанно спрашивал, куда его везут? зачем? на что и где он? Старшина и с ним находящиеся Киргизцы насказали ему много басней: иной говорил, будто по течению звезд так определено, иной сказывал, будто тут лучше жить, нежели дома. Всего насказали, окромя правды, но, увидя, что ничто не унимало слез Хлора, выдумали его страшить небывальщиною и сказали: «Перестань плакать, или оборотим тебя летучею мышью или коршуном, а там волк или лягушка тебя съест». Царевич небоязлив был, посреди слез расхохотался такой нелепости. Старшина, увидя, что дитя перестал плакать, приказал накрыть на стол; стол накрыли и кушанье принесли; Царевич покушал; потом подали варенья в сахаре и разные плоды, какие имели. После ужина раздели Царевича и положили спать.

На другой день рано до света Хан собрал своих вельмож и сказал им следующее: «Известно вам да будет, что я вчерашний день привез с собою Царевича Хлора, дитя редкой красоты и ума. Хотелось мне заподлинно узнать, правда ли слышанное о нем; для узнания же его дарований употребить я намерен разные способы». Вельможи, услыша слова ханские, поклонились в пояс, из них ласкатели похвалили ханский поступок, что чужое и то еще соседнего Царя дитя увез, трусы потакали, говоря: «Так, надежда Государь Царь, как иначе быть, как тебе на сердце придет». Несколько из них, кои прямо любили Хана, те кивали головою и, когда Хан у них спрашивал, для чего не говорят, сказали чистосердечно: «Дурно ты сотворил, что у соседнего Царя увез сына, и беды нам не миновать, буде не поправишь своего поступка». Хан же сказал: «Вот так, всегда вы ропщете противу меня», – и пошел мимо них, и, как Царевич проснулся, приказал принести его к себе. Дитя, увидя, что нести его хотят, сказал: «Не трудитесь, я ходить умею, я сам пойду, – и, вошед в ханскую кибитку, всем поклонился; во-первых, Хану, потом около стоящим направо и налево, после чего стал перед Ханом с почтительным, учтивым и благопристойным таким видом, что всех Киргизцев и самого Хана в удивление привел. Хан, однако, опомнясь, рек тако: «Царевич Хлор, про тебя сказывают, что ты дитя разумное: сыщи мне, пожалуй, цветок розу без шипов, что не колется; дядька покажет тебе обширное поле; сроку же даю тебе трое суток». Дитя паки поклонился Хану, сказал: «Слышу», – и вышел из кибитки, пошел к себе.

Дорогою попалась ему навстречу дочь Ханская, которая была замужем за Брюзгой-Султаном, сей никогда не смеялся и серживался на других за улыбку, Ханша же была нрава веселого и весьма любезна. Увидя Хлора, она сказала: «Здравствуй, Царевич! Здорово ли живешь? Куда изволишь идти?» Царевич сказал, что по приказанию Хана, батюшки ее, идет

¹ Ропушки – повозка без кузова.

искать розу без шипов, которая не колется. Ханша Фелица², так ее звали, дивилась, что дитя посылают искать таковой трудной вещи, и, возлюбя младенца в сердце своем, сказала: «Царевич, подожди маленько, я с тобою пойду искать розу без шипов, которая не колется, буде батюшка Хан позволит». Хлор пошел в свою кибитку обедать, ибо час был обеда, а Ханша к Хану просить позволения идти с Царевичем искать розу без шипов, которая не колется. Хан не токмо не позволил, но и запретил ей накрепко, чтоб не шла с дитятею искать розу без шипов, которая не колется.

Фелица, вышедши от Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила оставаться при отце ее, Хане, сама же пошла к Царевичу. Он обрадовался, как увидел ее, просил, чтоб села возле него, на что она согласилась и сказала: «Хан мне не велит идти с тобою, Царевич, искать розу без шипов, которая не колется, но я тебе дам совет добрый, пожалуй, не забудь, слышишь ли, дитя, не забудь, что тебе скажу». Царевич обещал вспомнить. «Отсель в некотором расстоянии, – продолжала она, – как пойдешь искать розу без шипов, которая не колется, встретишься с людьми весьма приятного обхождения, кои стараться будут тебя уговорить идти с ними, наскажут тебе веселый множества и что они-то провождают время в бесчисленных забавах. Не верь им, лгут, веселия их мнимые и сопряжены со множеством скуки. За сим придут другие, кои о том же еще сильнее тебя просить будут. Откажи им с твердостию – отстанут. Потом войдешь в лес, тут найдешь льстивых людей, кои всячески стараться будут приятными разговорами отвести тебя от истинного пути, но ты не забудь, что тебе единой цветок – розу без шипов и которая не колется – искать надлежит. Я тебя люблю и для того я к тебе вышлю навстречу сына моего, и он поможет тебе найти розу без шипов, что не колется». Хлор, выслушав речь Фелицы, сказал: «Разве так трудно сыскать розу без шипов, что не колется?» Нет, – ответствовала Ханша, – не так чрезвычайно трудно, буде кто прямодушен и твердо пребывает в добром намерении». Хлор спросил: «Нашел ли уже кто тот цветок? «Я видела, – сказала Фелица, – мещан и крестьян, кои в том успевали не хуже вельмож, и Царей, и Цариц». Сказав сие, Ханша простилась с Царевичем, старшина же дядька отвел дитя искать розу без шипов, которая не колется, и для того пустил его сквозь калитку в превеликий зверинец.

Тут увидел Хлор перед собою множество дорог, иные прямо лежащие, иные с кривизнами, иные перепутанные; дитя не знал сначала, по которой идти, но, увида юношу, идущего ему навстречу, поспешил к нему спросить, кто он таков. Юноша ответствовал: «Я Рассудок, сын Фелицын, меня мать моя прислала идти с тобою искать розу без шипов, которая не колется». Царевич, благодаря Фелицу сердцем и устами, взяв его за руку, наведывался, по которой дороге идти. Рассудок с веселым и бодрым видом сказал ему: «Не бойся, Царевич, пойдем по прямой дороге, по которой не все ходят, хотя она пригоже других». «Для чего же по ней не ходят? – спросил Царевич. «Для того, – сказал юноша, – что на других дорогах останавливаются или сбиваются». Идучи, юноша показал Хлору прекрасную дорожку, говоря: «Посмотри, Царевич, дорога сия называется благорасположенных душ младенчества, она хороша и кратка».

Пошли сквозь лес к приятной долине, в которой увидели речку прозрачной воды, подле которой нашли несколько молодых людей; иные из них сидели, иные лежали по траве и под деревьями. Как увидели Царевича, встали и подошли к нему. Один из них со всякою учтивостию и приветливостию сказал: «Позвольте, сударь, спросить: куда вы идете? Нечаянно ли вы сюда зашли? И не можем ли мы иметь удовольствие чем-нибудь вам услугить? Взгляд ваш наполняет нас уже почтением и дружбою к вам, и мы вне себя от радости видеть толь многие блистающие ваши качества». Царевич, вспомня слова Фелицы, улыбнулся и сказал: «Я не имею чести вас знать, ни вы меня не знаете, и так ваши слова приписываю единой обыкновенной светской учтивости, а не моим достоинствам. Иду же я искать розу без шипов, которая не колется». Другой из тамо находящихся, вступил в речь и сказал: «Намерение ваше показывает великие ваши дарования, но, сделайте милость,

² Фелица – в римской мифологии богиня успеха и счастья.

одолжите нас, останьтесь с нами хотя несколько дней и берите участие в нашем бесподобном веселии». Хлор сказал, что ему срок поставлен и остановиться недосуг и что опасается Ханского гнева. Они же старались его уверить, что ему отдохновение нужно для здоровья и что лучше и способнее места не найдет, ни людей усерднее их, и невесть как просили и уговаривали остаться с ними. Наконец, мужчины и женщины, взяv друг друга за руки, сделали около Хлора и его проводника круг, начали плясать и скакать и не пускать их далее. Но пока вокруг вертелись, Хлора под руку ухватил Рассудок, и выбежали так скоро, что в кругу вертевшиеся не могли их удержать.

Отошед подалее, нашли Леньяга Мурзу, главного надзирателя того места, который прогуливался со своими домашними. Увидя Хлора с провожатым, принял их с ласкою и просил зайти в его избу; они, устав маленько, пошли к нему. Вошед в его горницу, он посадил их на диван, сам же лег возле них посредь пуховых подушек, покрытых старинною парчою, его же домашние сели около стены; потом Леньяг Мурза приказал принести трубки курительные и кофе. Услыша же от них, что табаку не курят, кофе не пьют, благовонными духами опрыскивать ковры велел, после чего спросил Хлора о причине его прихода в зверинец. Царевич ответствовал, что по приказанию Хана он ищет розу без шипов, которая не колется. Леньяг Мурза дивился, что в таких молодых летах предпринял такой труд, говоря, что и старее тебя едва ли станет: «Отдохните, не ходите далее; у меня здесь есть люди, кои находить старались, но, устав, покинули». Один из тут сидящих встал с места и сказал: «Я сам неоднократно хотел дойти, но скучил, а вместо того я остался жить у моего благодетеля Леньяг Мурзы, который меня поит и кормит». Между сих разговоров Леньяг Мурза уtkнул голову в подушку и заснул. Как около стены сидящие услышали, что Леньяг Мурза храпит, то они полегоньку встали: иные пошли убираться и украшаться, иные легли спать, иные начали всякие празднословия говорить, иные ухватились за карты и кости, и при всех сих упражнениях иные сердились, иные радовались, и на лицах всех разные их внутренние движения оказывались. Как Леньяг Мурза проснулся, все паки собрались около него ж, внесли в горницу стол с фруктами. Леньяг Мурза остался посреди пуховых подушек и оттудова потчевал Царевича, который весьма прилежно примечал все, что тамо ни делалось. Хлор лишь принял было отведать предлагаемое им от Леньяг Мурзы, как его проводник Рассудок его за руку дернул полегоньку. Кисть прекрасного винограда, которую Царевич в руках держал, по полу рассыпалась, он же, опомнясь, тотчас встал, и оба вышли из хором Леньяг Мурзы.

Не в дальнем расстоянии увидели дом крестьянский и несколько десятин весьма удобренной земли, на которой всякий хлеб, как-то рожь, овес, ячмень, гречиха и проч., засеян был; иной поспевал, иной лишь вышел из земли. Подалее увидели луга, на которых паслися овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли с лейкою в руках – обливал рассаженные женою его огурцы и капусту; дети же упражнены были в другом месте – щипали траву негодную из овошней. Рассудок сказал: «Бог помочь, добрые люди». Они ответствовали: «Спасибо, Баричи». Кланялись же Царевичу незнакомо, но Рассудок приязненно просили, говоря: «Посети, пожалуй, наше жилище, и матушка твоя Ханша нас жалует, посещает и не оставляет». Рассудок согласился к ним войти; пошли с Хлором во двор. Посреди двора стоял ветхий и высокий дуб, а под ним широкая, чисто выскобленная лавка, а перед лавкою стол; гости сели на лавку. Хозяйка с невесткою разостлали по столу скатерть и поставили на стол чашу с простоквашею, другую с яичницею, блюдо блинов горячих и яиц всмятку, а посередине ветчину добрую; положили на стол ситный хлеб, да поставили возле каждого крынку молока, а после, вместо закусок, принесли соты и огурцы свежие да клюкву с медом. Хозяин просил: «Покушайте, пожалуй». Путешественники, которые проголодались, ничем не гнушались, и меж тем разговаривали с хозяином и хозяйкою, кои им рассказывали, как они живут здорово, весело и спокойно и во всяком удовольствии по их состоянию, провождая век в крестьянской работе и преодолевая трудолюбием всякую нужду и недостаток. После ужина на той же лавке разостлали войлоки, Хлор и Рассудок на них положили свои епанчи; хозяйка каждому принесла

подушку с белою наволочкою; легли спать и заснули крепко, оттого что устали.

Поутру встали на рассвете, поблагодарили хозяина, который за ночлег ничего с них взять не захотел, и пошли в путь. Отошед с полверсты, услышали издали, что играют на волынке. Хлор вздумал подойти поближе, но Рассудок молвил, что волынкою отведут их от пути. Любопытство Хлора принудило его пойти к волынке, но, увидя шалости пьяношатающихся в безобразии около волынщика, испугался и кинулся Рассудку на руки; сей его отнес паки на прямую дорогу, где вскоре, прошед рощу, увидели возвышение крутое. Рассудок сказал Царевичу, что тут растет роза без шипов, которая не колется. Здесь Хлор почувствовал зной солнечный и устал, начал скучать, говорил, что конца нет той дороге, долго ли это будет, нельзя ли идти по иной дороге. Рассудок отвечал, что он ведет его ближним путем и что терпением одним преодолеваются трудности. Царевич с неудовольствием сказал: «Авось либо сам сыщу дорогу», – и, махнув рукою, удвоил шаг, удалился от провожатого.

Рассудок остался позади и пошел за ним молча, тихим шагом. Дитя забрел в местечко, где мало кто бы на него поглядел, ибо торговый день был, и все люди занятые были торговом и менем на рынке. Царевич, ходя между телегами и посреди торгового шума, заплакал. Один человек, который его не знал, шел мимо его и, увидя, что дитя плачет, сказал ему: «Перестань, щенок, кричать, и без тебя здесь шума довольно». Рассудок дошел до него в самое то время; Царевич жаловался на того человека, что щенком его называл. Рассудок, ни слова не говоря, вывел его оттуда; когда же Хлор спросил, для чего он не говорит по-прежнему с ним, Рассудок на то сказал: Ты моих советов не спрашиваешь, сам же забрел в непристойное место, так не прогневайся, буде нашел людей или речи не по твоим мыслям». Рассудок продолжать хотел речь, но встретили они человека немолодого, но приятного вида, который окружен был множеством юношей. Хлор, всегда любопытствуя о всем, отозвал одного из них, спросил, кто таков. Юноша сказал, что сей человек есть учитель наш; «Мы отучились, идем гулять. А вы куда идете?» На что Царевич ответствовал: «Мы ищем розу без шипов, которая не колется». «Слыхал я, – сказал юноша, – толкование розы без шипов, которая не колется, от нашего учителя. Сей цветок не что иное значит, как добродетель. Иные думают достигнуть ее косыми дорогами, но никто не достигнет, кроме прямою дорогою. Счастлив же тот, который чистосердечно твердостию преодолевает все трудности того пути. Вот гора у вас в виду, на которой растет роза без шипов, которая не колется, но дорога крутая и каменистая». Сказав это, простился с ними, пошел за своим учителем. Хлор с провожатым пошли прямо к горе и нашли узкую каменистую тропинку, по которой шли с трудом. Тут попались им навстречу старик и старуха в белом платье, равно почтенного вида. Они им протянули посохи свои и сказали: «Упирайтесь на них, не спотыкнетесь». Здесь находящиеся сказывали, что имя первого Честность, а другой – Правда. Дошед, уираючись на тех посохах, до подошвы горы, принуждены – догадались – взлесть с тропинки на ветвь; с ветви на ветвь добрались до вершины горы, где нашли розу без шипов, которая не колется. Лишь успели снять ее с куста, как в тамо находящемся храме заиграли на трубах и на литаврах, и разнесся повсюду слух, что Царевич Хлор сыскал в таких молодых летах розу без шипов, которая не колется. Он поспешил к Хану с цветком, Хан же Хлора и со цветком отоспал к Царю. Сей обрадовался столько приезду Царевича и его успехам, что позабыл всю тоску и печаль. Царевича Царь и Царица и все люди любили час от часу более оттого, что час от часу укреплялся он в добродетели. Здесь сказка кончится, а кто больше знает, тот другую скажет.

Г. Р. ДЕРЖАВИН
(1743 – 1816)

ФЕЛИЦА

**Ода к премудрой Киргиз-Кайсацкой царевне Фелице,
писанная татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве,
а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге**

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкая орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, –
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь³ собой;
Коня парнасса не седлаешь⁴,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благоворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаясь нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пирам я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

<...>

Или великолепным цугом⁵
В карете англинской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки⁶ пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к перемене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

³ Донкишотство – стремление благородного и прекраснодушного человека-мечтателя приносить пользу людям. Названо по имени Дона Кихота, героя романа М. Сервантеса.

⁴ Коня парнасса не седлаешь... – имеется в виду: не пишешь стихи.

⁵ Цуг – упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Право езды цугом было привилегией высшего дворянства.

⁶ Шинок – питейное заведение.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещают,
Полканы и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь⁷.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкается
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей⁸ всех роскошь угнетает. —
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье

⁷ «Всяк человек ложь» (Пс. 115:2).

⁸ *Пашá* — высокий титул в некоторых мусульманских странах.

И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но Богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой сlyть.
Еще же говорят неложно,
Что будто всегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быть и небыть говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.

О! коль счастливы люди
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порfirной,
С небес ниспослан скипетр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здоровье царей не пить.

<...>

Ты ведаешь, Фелица! правы
И людей и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновенья
Ты пишешь в сказках поучены
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотвориши».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их лить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов⁹ нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как Бог?

Фелицы слава, слава Бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;

⁹ Ланцет – хирургический инструмент с обоюдоострым лезвием.

Велит и ткать, и прядь, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. –
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? –
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? –
Послушай, где ты ни живешь, –
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добро приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,

Моих домашних усыплял.
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт¹⁰ в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погружена сне,
Мертвa казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал – и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженства мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира¹¹
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И сребро-розовых светлиц¹²,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары
И в досканцах¹³ червонцы шлют;
Блажен! – Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвинглись стены, и стократно
Ярче молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;

¹⁰ Бельт – пролив в Балтийском море.

¹¹ Пленира – невеста.

¹² Из теремов своих янтарных и сребро-розовых светлиц... – в Царском селе была одна комната убрана вся янтарем, а другая была украшена розовой фольгой с серебряною резьбою.

¹³ Досканец – коробочка, ящичек. Г. Р. Державин называет так подаренную ему императрицей табакерку, наполненную червонцами.

Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, –
Сошла – и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона¹⁴,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона¹⁵,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя перед ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в кохтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела. –
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела! –
«Мурза! – она вещала мне, –
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепеши, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, – тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,

¹⁴ Градская на главе корона... – вместо императорской короны увенчана лавровым венцом, украшающим гражданскую корону.

¹⁵ Из черно-огненна виссона... – имеется в виду орден св. Владимира.

В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поюющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица? –
Мечту стоящую спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»;
Рекла – и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев¹⁶, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,

¹⁶ Кадий – верховный гражданский судья в мусульманских странах.

Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному – очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов¹⁷.
Но пусть им здесь докажет муга,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам.

ВЛАСТИЛЕЯМ И СУДИЯМ (Переложение 81 псалма)

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных.
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

¹⁷ И словом: тот хотел арбуза, а тот соленых огурцов... – намек на князя Потемкина, который для удовлетворения своих прихотей посыпал специальных курьеров за арбузами и т.д. в другие города.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

ИЗ «РАССУЖДЕНИЯ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ»

<...> Лирическая поэзия показывается от самых пелен мира. Она есть самая древняя у всех народов; это отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение, или излияние восторженного сердца. Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим воскликновением. Все его окружающее: луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы. Вот истинный и начальный источник Оды; а потому она не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии. Она не наука, но огнь, жар, чувство.

<...>

... священная Ода есть самое выспренное, пламенное творение. Она быстротою, блеском и силою своею, подобно молнии объемля в единый миг вселенную, образует величие Творца. Когда сверкает в небесах, тогда же низвергается и в преисподнюю; извивается, чтобы скорее цели своей достигнуть; скрывается, чтобы ярче облистать; прерывается и умолкает, дабы вновь внезапно и с вящим явившись устремлением, более звуком и светом своим удивить, ужаснуть, поразить земнородных.

<...>

Гимн парением своим несколько ниже Оды. Хотя и можно бы сей последней предоставить в отличительное свойство ужас и удивление могуществу, а первому благодарность и славословие за благодеяние и покровительство; но по всегдашнему их смешению определить прямую черту между ими трудно. Гимнами Евреи в разных случаях воспевали истинного Бога и чудеса Его, а язычники – поклоняемых ими богов и человеков, прославившихся знаменитыми подвигами. Возносили их при жизни, славословили и по смерти. Гробы их, когда умолкала зависть, делались у язычников алтарями, а песни гимнами. Сие находим у всех народов и во всех веках. Гимны содержали в себе часть религии и нравоучения. Они певались при богослужении, ими объясняемы были оракулы, возвещаемы законоположения, преподаваемы, до изобретения письмен, славные дела потомству и проч.

Лира, или псалтирь, согласовались их предметам. Пели Гимны при восхождении солнца, при наступлении ноши, при новомесячии и ущербе луны, при собирании жатвы и винограда, при заключении мира и при наслаждении всякаго рода благополучием, а равно и

при появлении войны, морового поветрия и какого-либо иного бедствия, не от одного или нескольких молебщиков, но от лица всего народа. Чрез Гимны возносились благодарения, славословия, моления и жалобы божествам. Гласы их были гласы благоговения, наставления, торжественности, радости, великолепия, или вопли негодования, сетования, мщения, уныния, плача и печали. Вот что были в глубокой древности Оды и Гимны, и что в храмах, на театрах, в чертогах и на стогнах народных ими воспевалось. Они были иногда подсказываемы конархистом (декламатором), как у нас стихиры, или провозглашаемы самим поэтом при звуке струнном. Видно сие из многих псалмов Давида. <...>

Наконец, при распространившемся общежитии, из собраний народных перешло песнопение и в круги семейств. Там воспевалось им все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельская упражнения, жизнь пастушья и тому подобное, из коих последняя, по некоторым писателям, берет у всех первенство.

<...>

Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгорался свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгорячась и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или излиянием мыслей о той страсти, или ея предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного разсуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее. Но вдохновение может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств, или собственного состава и расположения поэта; а потому и может быть у всякаго свое и по временам отличное вдохновение по настроению лиры, или по наитию гения. Исчислять все его виды было бы весьма странно.

<...>

Высокость, или выспренность лирическая, есть не что иное, как полет пылкаго, высокаго воображения, которое возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет их сильными выражениями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что им прежде на мысль не приходило. Но высокость бывает двоякаго рода: одна – чувственная и состоит в живом представлении веществ; другая – умственная и состоит в показании действия высокаго духа. Первая принадлежит к лире, а другая к драме. Посему-то иногда живое чувственное не может быть высоким умственным; ни самое высокое умное не может быть живым чувством. Словом, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. Итак, по сему понятию лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в безпрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление. Высокое же драматическое содержится в тихом и спокойном действии души великой, которая, быв выше других, и в слабостях человека, твердостию и мужеством его, а не блеском одним воображения и громом слов, показывает в нем высокое существо и заставляет разум почитать его, или благоговеть пред ним. Кратко, прямая высокость состоит в силе духа, или в истине, обитающей в Боге. Одно справедливо изящное в том и другом случае есть только высоко. В оде, которая изображает, как песнь лирическая, превосходные чувства, и тут же, как эпопея или драма, описывает действие великодушия, могут быть помещаемы и та и другая высокость, но только поэтом, вкус имеющим, чтобы не распространить действия и тем не охладить чувств.

<...>

Нравоучение. По той ли причине, что поэзия язык богов, голос истины, пролившей свет на человеков, что все почти древние вожди и законодатели, как-то: Божественный Моисей, языческие Орфей, Бахус, Озирид, Зороастр, Брамго, Солон, Оден, наконец, Магомет и многие другие были поэты и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только известно, что во всех народах и во всех веках принято было за правило, которое и поныне между прямо просвещенными мужами сохраняется, что советуют они в словесности всякого рода проповедывать благочестие, или науки нравов. Особливо находят более к тому способною лирическую поэзию, в разсуждении ея краткости и союза с музыкой, чем удобнее она затверживается в памяти и, забавляя, так сказать, просвещает царства. <...>

БОГ

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех Лицах Божества!
Дух всюду Сущий и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величию исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живиши;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот дариши.
Как искры сыплются, стремятся,

Так солнцы от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи лют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры –
Перед Тобой – как нощь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зrimая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой – ничто.

Ничто! – Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаst,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и Ты!
Ты есть! – природы чин вещает.
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,

Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов Небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;

Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекспинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель данный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди – и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, золата и серебра,
Мой посети; его богатство –
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;

Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравиу приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал, одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди – и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим –
Уже ко старости подходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор.
Увы! – то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! – и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Которыйечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачет красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешили их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочти златые
И ясты сахарны царей,

Ко мне не срядитесь откушать, –
Извольте мой вы толк послушать;
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравье и спокойстве духа, –
Умеренность есть лучший пир.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

Горшки не боги обжигают,
Не все пьют пиво богачи:
Пусть, Муза! нас хоть осуждают,
Но ты днесь в кобас¹⁸ пробренчи
И, всшед на холм высокий, званский,
Прогаркни праздник сей крестьянский,
Который господá дают, –
Где все молодки с молодцами,
Под балалайками, гудками,
С парнями, с девками поют.

Поют под пляской в песнях сельских,
Что можно и крестьянам быть
По упражненьях деревенских
Счастливым, радостным – и пить.
Раздайтесь же, круги, пошире,
И на преславном этом пире
Гуляй, удала голова!
Ничто теперь уже не диво:
Коль есть в глазах вино и пиво,
Все, братцы, в свете трын-трава.

<...>

Пребудьте, не поднявши носу,
Любезны Богу, господам.
Не зря на ветреных французов,
Что мнили ровны быть царям,
И, не подняв их вздорных грузов,
Спустилися в навоз к скотам,
И днесь, как звери, с ревом, с воем
Пьют кровь немецкую разбоем¹⁹,
Мечтав, и Русь что мишура;
Но вы не трусы ведь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
В милиции²⁰ гаркнете: ура!

¹⁸ Кобас (кобыс, варган) – «простонародное музыкальное орудие, зубанка; железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль посередине стальным язычком» (В. Даль).

¹⁹ Пьют кровь немецкую разбоем. – В войне 1806–1807 гг. Наполеон разбил Пруссию.

²⁰ Милиция – ополчение, набиравшееся преимущественно из крестьян. В конце 1806 г. ввиду войны с Францией был опубликован манифест об организации «внутренней временной милиции» в 612 000 человек.

Ура, российские крестьяне,
В труде и в бое молодцы!
Когда вы в сердце христиане,
Не вероломцы, не страмцы,
То всех пред вами див явленье,
Бесов французских наважденье
Пред ветром убежит, как прах.
Вы все на свете в грязь попрете,
Вселенну кулаком тряхнете,
Жить славой будете в веках.

ИЗ «ПОХВАЛЫ КОМАРУ»

<...>

Блаты, лес, луга, моря,
Комаров летящих зря,
Как гудят повсюду гулом,
Иль как стрел с гремящим тулом
Марс несется на войну, –
Так с комарьей похвалою
На Пегасе вскачь трубою
Я колеблю тишину.
Стихотворцы! став парадом,
С лирами, с свирельми, рядом,
Честь воздайте Комару,
И согласным восклицаньем,
Звоном, грохотом, бряцаньем,
В бубны бейте: туру-ру.

<...>

Глас народа мне вещал:
С дуба-де комар упал²¹.
Се по лесу звук раздался,
Холм и дол восколебался,
Океан встал из брегов.
Не на быть ли баснь похожа,
Что упал какой вельможа
Из высоких вниз чинов?
Встав из дрязгу теплым летом,
Под блестящим солнца светом,
Счастья плыл он на крылах.
Комара, мудрец, паденьем
Возгреми нравоученьем:
Суeta, скажи, все – ах!

²¹ С дуба-де комар упал. – Державин имеет в виду народную песню, начинающуюся словами: «Стукнуло, грянуло в лесе, комар с дуба свалился».

<...>

Насекома мелка тварь,
Хоть ничтожный прах Комар;
Но по подвигах толиких,
На крылах своих великих,
Не преславен ли войной?
Не равняется ли чванством,
Своим бранным шарлатанством
С первым вождем сей герой?
Так, не храбрых воев свойством
И не личным он геройством
Города, страны берет;
Но лишь издали пужаньем,
Вводит в скуку, в страх жужжаньем
И врасплох всех кровь пиет.

<...>

Так, друзья, мой слыша зов,
Вы не бойтесь комаров!
Комары не бесполезны,
Могут быть еще любезны:
Вялых двигают недвиг,
Искусств служат к обретенью,
Дают случай к дерзновенью
Гордых щелкать в нос и шлык,
У красавицы спесивой
Сметь с улыбкою учтивой
С нежной их согнать руки,
И своим они мученьем
Нрав мягчат нам сожаленьем,
Как грызут их пауки.

<...>

В микроскопе он, поверь,
На ходулях дивий зверь;
Хоботом – слону подобен²²;
По крылам – дракон всем злобен;
О шести ногах кулик;
Тощ и мал, а льва тревожит;
В конях, в тиграх ярость множит,
Буйвол им ревет и бык,
А Цербер с досады воет,
Что, кусая, беспокоит
Столь его живая грязь;
Он по лету – дух небесный!

²² Хоботом – слону подобен и пр. «Хоботец комара – трубочка от рыльца, для присосу, с жальцем внутри ее» (Даль); ср. народную загадку: «Крылья орловы, хобота слоновы, груди конинные, ноги львиные, голос медный, нос железный; мы их бить, а они нашу кровь лить».

Алчбой крови – вождь известный,
По усам – ордынский князь.

Больше ж ты, Комар, во всем
Схож с военным кораблем:
Ты на парусах летаешь,
Страшны громы испущаешь,
Жжешь свирепо и язвишь;
Ты снабжен кормой и носом
И с предлинным тож насосом
Часто на мелях сидишь,
Грязнув в патоке, в сметане,
И на зимнем твоем стане
Замерзаешь тож, как он;
А тепло лишь дхнет весною,
Ты попутною порою
Сам средь моря фараон!

Но большую коль с меньшой
Сравним вещь между собой,
То поэзии пареньем
Нам нельзя ль воображеньем
Комаров равнять душам,
Кои в вечности витают,
Мириадами летают
По полям и по лесам;
В плоти светлой и прозрачной
Воспевая век свой злачный,
Не кусают, – нет там жал.
О! когда бы я, в восторге
Песни в райском пев чертоге,
Комаром небесным стал!

Здесь же в мире что, любя,
Прославляя я столь тебя,
То прошу теперь послушать
И живьем меня не кушать,
Не лезть в очи, не дуть в слух;
Здесь жилище не небесно,
Часто тварям в оном тесно, –
Мы поссоримся, мой друг.
Там духов одна порода,
Братство, равенство, свобода;
Пифагорцы можем быть,
Ввек ничем не разделяться,
Друг все другом насыщаться,
Царь и раб друзьями жить.

О Комар! колико свойств,
Разных доблестей, геройств
Тебя в свете отличают!
Все народы величают

Во свою тебя чреду.
Ты лесник, травник и тундрик²³,
Пикинер²⁴, трубач, цырульник,
Мастер петь, пускать руду²⁵,
Сколь мужей было великих
Между нас и между диких!
Всех была, прошла пора;
Но тебя не позабудут:
Мои песни вечно будут
Эхом звучным Комара.

²³ Тундрик – обитатель тундры.

²⁴ Пикинер – солдат, вооруженный пикой.

²⁵ Руда – кровь.